

Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВ: ЗАБЫТЫЙ КЛАССИК

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/62/1

В. В. Десятов

Алтайский государственный университет, Барнаул

Скит искусств: жизнестроительство Георгия Гребенщикова

Различные виды творческой активности Георгия Гребенщикова рассматриваются преимущественно в контексте поисков и идей русского модернизма: поисков нового коллективного образа жизни, жизнестроительства, интереса к крестьянским сектам, воссоединения искусства и религии, синтеза искусств, создания «именных» мифологий. Жизнестроительство писателя анализируется в варианте автопрезентации, на материале текстов самого Г. Гребенщикова. Среди основных его жизнестроительских ориентиров – Лев Толстой, Николай Гоголь, большевики, алтайские староверы (какими они предстают в более ранних сочинениях Гребенщикова), Сергей Радонежский, Георгий Победоносец. Основанную писателем в США общину, Чураевку на Помпеаге, сам он определил как «скит русской культурной мысли». «Чураевы», часовня в Чураевке на Помпеаге, построенная в честь святого Сергия Радонежского («страница русской эпопеи, написанная не словами, а гранитом»), и текст «Радонеги» образуют любопытный, может быть, даже уникальный в жанровом отношении литературно-архитектурный триптих. Основным автором его является Гребенщиков, соавторами – Николай Рерих (создатель архитектурного проекта часовни), выдающийся скульптор С. Т. Коненков, художники, принимавшие участие в ее оформлении, поэты, посвятившие ей свои стихи. Интермедияльное целое, которое Гребенщиков резонно обозначил новым словом «Радонега», можно рассматривать и на фоне вагнеровского Gesamtkunstwerk'a.

Ключевые слова: жизнестроительство, община, модернизм, синтез искусств.

Во второй половине XIX в., с утверждением нового социального слоя – интеллигенции, в России начались активные поиски иного коллективного образа жизни. На вопросы: «как жить?», «что делать?» – отвечали писатели и мыслители. Интеллигенты подражали персонажам И. С. Тургенева и Н. Г. Чернышевского [Паперно, 1996, с. 10–20]. Немного позднее ответы на свои вопросы интеллигенция находила у Карла Маркса, Льва Толстого, Фридриха Ницше, Рудольфа Штейнера. Эти ответы тоже воспринимались как руководство к действию. Тогда же, во второй половине XIX в., искусство в лице своих теоретиков пришло к выводу, что его основная цель – не изображение жизни, а ее действительное преобразование (см.,

Десятов Вячеслав Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия; galton67@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 1

© В. В. Десятов, 2018

например, работу Владимира Соловьева «Общий смысл искусства», оказавшую воздействие на формирование символистской концепции жизнестроительства).

Поисками другого образа жизни был обусловлен и усилившийся на рубеже веков интерес писателей к различным крестьянским сектам: хлыстам, скопцам, бегунам, староверам и др. [Эткинд, 1998]. Поэт-символист А. М. Добролюбов даже стал создателем одной из подобных сект: «Больше чем кто-либо другой, Добролюбов осуществил мечту символистов о переходе искусства в жизнь, о жизнестроительстве по законам искусства. Как писал о нем Бердяев, “есть художество жизни, по значению своему превышающее всякое художество мысли”» [Там же, с. 264]. Этим интересом к сектам в какой-то степени объясняется и успех повествования Г. Д. Гребенщикова «Чураевы. Хроника одной старообрядческой семьи», точнее говоря, его первой части («Братья»), опубликованной в лучшем литературном журнале русской эмиграции «Современные записки» в начале 1920-х гг.

Широко понимаемое жизнестроительство (жизнестроительство, жизнестроение¹) определило собой целое столетие, стало стержнем, проходящим через несколько эпох в истории России: с 1860-х до 1960-х гг. включительно (когда была принята программа построения коммунизма). Самым разнообразным жизнестроительством было в период Серебряного века. Помимо толстовских общин и секты «добролюбовцев», существовали семейно-мистическая община Третьего Завета (Мережковские и Философов) [Matich, 1993], община Танца («Гептахор») [Сироткина, 2016, с. 29–51], община Эроса («гафизиты», собиравшиеся «на башне» Вячеслава Иванова) [Богомолов, 1993; Сироткина, 2016, с. 67–83], антропософская община (строители Гётеанума) [Кравченко, 1995, с. 30], проект поэтократии, пропагандировавшийся Николаем Гумилевым [Десятов, 1998], и др.

Применительно к Георгию Гребенщикову корректнее всего пользоваться понятием жизнестроительство, поскольку сам он много раз писал о строительстве нового мира, новой жизни, культуры, о храмостроительстве и т. п. Жизнестроительство мы будем понимать как сознательное поведение, строящееся в соотношении с определенными образцами. Таких ориентиров у Георгия Гребенщикова было немало. Своими учителями он, например, называл А. М. Горького и затем Н. К. Рериха (в переписке с ними). Сопоставление Гребенщикова с Горьким, безусловно, напрашивается и уже производилось². Рерихов так или иначе упоминают почти все, кто писал о Гребенщикове. Достаточно подробно и тонко проанализирована недавно «рецепция толстовской модели в жизнестроительстве Г. Д. Гребенщикова» [Горбенко, 2017]. В диссертационном исследовании А. Ю. Горбенко рассматривается также ряд других ориентиров Гребенщикова, и с большинством тезисов исследователя нельзя не согласиться [Горбенко, 2015; 2016] (см. также: [Богумил, Худенко, 2017]). Остановимся ниже на оставшихся «белых пятнах» в закономерностях возникновения жизнестроительских стратегий сибирско-американского писателя, а также на тех литературных и исторических фигурах, которые не попали пока в поле зрения специалистов.

Некоторые нюансы жизнестроительства и литературного творчества Гребенщикова будут не вполне понятны, если рядом с Л. Н. Толстым не поставить

¹ Как отметил Борис Гройс, советский проект наследовал соловьевско-символистским идеям: «В статье Н. Чужака с характерным названием “Под знаком жизнестроения”, прямо отсылающим к идеям Вл. Соловьева, читаем, в частности: “Искусство как метод познания жизни... – вот наивысшее содержание старой буржуазной эстетики. Искусство как метод строения жизни – вот лозунг, под которым идет пролетарское представление о науке искусства”» [Гройс, 1993, с. 31]. Статья ЛЕФовца Н. Чужака была опубликована в 1923 г. В последние десятилетия появился ряд исследований, посвященных проблемам жизнестроительства: [Gunther, 1986; Гречишкин, Лавров, 1990; Matich, 1993; Creating Life, 1994; Lebenskunst – Kunstleben, 1998; Богомолов, 2004; Жолковский, 2014].

² См., напр.: [Примочкина, 2001; Черняева, 2002].

Н. В. Гоголя. Гоголь не был для Гребенщикова столь же важным образцом, но жизненные пути двух классиков имели сходства и различия, которые неизбежно должны были актуализироваться в сознании их «наследника». Основным сходством было движение от художественного творчества к публицистике и проповеди – биографический канон, который будет позднее воспроизводиться в истории русской литературы снова и снова. Основным мировоззренческим различием, существенным для нас, было отношение к православию в его институциональных, церковных, обрядовых формах.

Гребенщиков дал свой ответ на вопрос «что делать?». Отвечал он не только словами, но и делами³. Самой известной частью оздоровляющего физического труда Гребенщикова в Чураевке, штат Коннектикут, стало возведение каменной часовни. За такие труды Лев Толстой Гребенщикова похвалил бы едва ли, и последний не мог это не осознавать. В его мемуарном очерке Толстой высказывается по поводу церковно-обрядовой стороны христианства: «...герою вашей пьесы следовало бы рядом с проповедью об оздоровляющем труде нести в народ трезвые мысли к уничтожению этих суеверных и вздорных обрядностей...» [Гребенщиков, 2013, т. 1, с. 433]. Но в своей «Радонеге» (1938) Гребенщиков утверждает, что проживи Толстой дольше, взгляды бы его изменились: «Можно с уверенностью сказать, что глубокая и отважная совесть Льва Толстого заставила бы его самого во многом откровенно раскаяться и повернула бы его сознание в защиту погранных святынь русской духовной культуры» [Там же, т. 5, с. 227].

Полемика с Толстым будет отношение зрелого Гребенщикова к Гоголю, которого два писателя обсуждали тогда же, в 1909 г., в Ясной Поляне:

– Ну, а что же, – продолжал интересоваться моей вещицей Лев Николаевич, – каков взгляд вашего «сына народа» на религию? Ведь это очень важно... – заговорил Лев Николаевич, оживившись. – Вот я сейчас, составляя статью о Гоголе, перечитывал письма к нему Белинского.

Здесь Лев Николаевич подробно останавливается на отношении Белинского к Гоголю и на том, что Гоголь перед смертью все свои писания основывал на религиозных принципах церкви.

– Он прислушивался к высшим слоям правительства, переполняя христианскую религию разными нелепыми обрядностями! [Там же, т. 1, с. 433].

Одним из важнейших фрагментов первой книги «Чураевых» стало лирическое отступление в духе Гоголя: «О чем говорит эта прозрачная альпийская вода?» и далее (в третьей главе третьей части романа «Братья») [Там же, с. 187–188]. Гоголевская поэтика фрагмента навеяна отчасти его содержанием: судьба сектантки Ненилы, уморившей себя голодом, перекликается с финалом жизненного пути автора «Мертвых душ». Как и «Мертвые души», «Чураевы» останутся незаконченными. Зато в Америке Гребенщиков напишет и опубликует свои варианты «Выбранных мест из переписки с друзьями» – книги «Гонец. Письма с Помперга» (1928) и «Радонега» (1938), где будет вспоминать одно из гоголевских писем:

Народ молча читает и тайно переписывает историческое письмо Гоголя Старцам Оптиной Пустыни:

«Ради Самого Христа молитесь обо мне, – писал Н. В. Гоголь 26 июня 1850 года. – Путь мой труден. Дело мое такого рода, что без ежеминутной,

³ «...Всё, начиная с самого тяжелого труда и кончая отдыхом, должно быть насыщено строительским творчеством, чтобы многое, что будет давать миру в книге Алата, как-то претворялось бы в жизнь и слово превращалось бы в дело. Ибо раз и навсегда с интеллигентской проблемой: “Что делать?” – должно быть покончено» (цит. по: [Горбенко, 2017, с. 152]).

без ежечасной явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освещения Свыше...»

Кто может замолчать и вычеркнуть из истории русской литературы этот потрясающий документ? [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 233]

Противопоставляемые Гоголю большевики были в жизнестроительстве Гребенщикова образом негативным: автор «Радонеги» подчеркивает, что часовню в честь святого Сергия Радонежского он возводил тогда, когда советским государством древняя, основанная этим святым лавра разорялась [Там же, с. 234]. Акцентировалась параллель и оформлением часовни: «проста, строга и все еще бедна в своем одиночестве часовня. Лишь над входом привлекают взоры посетителя три дивных ангела: это Св. Троица великого иконописца Андрея Рублева, конечно, в копии, написанной современным художником В. С. Ивановым» [Там же, с. 239]. В общем, получилась как бы Троице-Сергиева часовня.

При этом тексты Гребенщикова порой вплотную приближаются к советской риторике, лексике и тропике: «Подумайте о новом, увлекательном священном танце, имя которому – экстаз благословенного *труда*. *Пора строить новый мир* (курсив здесь и далее наш. – В. Д.), новую культуру духа в чистом светозарном и суровом месте» (цит. по: [Санникова, 2006, с. 21]).

Лучший танец – это труд. Так же понимают танец люди коммунистического будущего, изображенного Владимиром Маяковским в футурологической пьесе «Клоп»:

П р и с ы п к и н. Что ж это? За что мы старались, кровь проливали, когда мне, гегемону, значит, в своем обществе в новоизученном танце и растанцеваться нельзя? <...>

З о я Б е р е з к и н а. Я возьму тебя завтра на танец десяти тысяч рабочих и работниц, будут двигаться по площади. Это будет веселая репетиция новой системы полевых работ [Маяковский, 1982, с. 481–482].

Речь в данном случае не идет о полемической аллюзии (текст Гребенщикова написан, скорее всего, раньше), но сами сближения такого рода вполне закономерны. Цели у большевиков и многих эмигрантов были разными (построение коммунизма, возрождение Святой Руси), однако в том и другом случае цель была сакральной, в результате чего искусство дидактическое, мистериальное, а также агиография актуализировались как в литературе эмигрантов, так и в советской культуре [Набоков, 1999; Гройс, 1993, с. 61–67; Дебрецени, 1993]. На смену Серебряному веку, эпохе дионисийского танца [Сироткина, 2016] пришла эпоха труда (смена парадигмы началась уже в поэзии акмеистов).

Будучи изначально человеком физического труда, Гребенщиков вольно или невольно обращался к уподоблениям, характерным для формирующейся советской культуры с ее культом железа, стали, кузнецов, кующих счастья ключи. В 1923 г. он писал Рерихам:

Вижу Ваши действия по отношениям к нам, и пример их зажигает свет в моей кузнице. Пока что раздувается горно, но аппетит работы и стук молота вот-вот наступит. Знаю, что и искры полетят от раскаленного железа, и, может быть, в приправу к музыке на наковальне азартно вырвутся суровые и крепкие слова [Гребенщиков, 2013, т. 3, с. 483].

Такое вполне мог бы написать не подозревающий о символике рериховской Агни-йоги (свет, искры) литератор советский, не обязательно даже член группы пролетарских писателей «Кузница». Не менее красноречиво продолжение этого письма:

Первая моя присяга перед Вами в том, что приступаю к действию – строжайший взгляд в себя и внешняя военная подтянутость. Смирно! Равнение прямо! Шагом – марш! И где-то далеко, но властно уже звучит вдохновляющий походный марш. В душе он отдается верою в Верховного Вождя и в моих ближайших командиров, и полна предчувствием Победы жажда умереть под знаменем Грядущей Красоты [Гребенщиков, 2013, т. 3, с. 483].

Трудно вновь не вспомнить здесь образцы советской риторики, однако важнее в тексте письма то «предчувствие Победы», которое в мироощущении Гребенщикова связано с датой его рождения и, соответственно, с именем: «он родился “в Егорьев день, 23 апреля”, в день святого великомученика Георгия Победоносца. Геройское, стойкое, упорное начало в характере Гребенщикова – от имени, данного в честь святого» [Черняева, 2013, с. 6]. Отсюда же, видимо, амбициозность и соревновательность, готовность положить на лопатки кого угодно: «умею написать “Войну и мир” – лучше Толстого» [Гребенщиков, 2013, т. 3, с. 468]. В начале XX в. имена писателей нередко определяли формирование их индивидуальных мифологий, влияли на выработку стратегий жизнестроительства. Упомянем лишь один такой случай (имеющий отношение к нашей теме): Елена Рерих вдохновлялась примером своей тезки Елены Блаватской.

Моделями поведения писателей иногда становятся их собственные произведения. О простодушно-крайнем, комическом варианте этого взаимодействия между словом писателя и его поведением рассказал, вспоминая свое детство, Валерий Попов:

Помню свои стихи в седьмом, кажется, классе: «И в любых сраженьях ни за что и никогда я не сдамся... Женя!» Какая еще такая Женя? Откуда взялась?... Из стиха – откуда ж еще? Из рифмы! Потом уже, для подтверждения стиха, пришлось подгонять под него реальность. Девочка с этим именем была в нашем классе всего одна, и притом крайне мне не нравилась. Но что делать – сперва мы сочиняем стихи, потом они диктуют нам жизнь. Скоро весь класс знал: он с ней «ходит» – и даже посвящает стихи! Первая сладкая слава, первое внимание публики! Но какой ценой! Я вынужден был ее провожать, и мы долго напряженно целовались. Это стихи теперь уже командовали нами. Да, непростое это занятие, ответственное – смутно начинал понимать я [Попов, 2015, с. 22–23].

Георгий Гребенщиков назвал основанное им в Америке русское поселение Чураевкой, взяв, как известно, топоним, придуманный ранее для «Хроники одной старообрядческой семьи». Топоним это чрезвычайно емкий и точный. Семантику фамилии, ставшей названием цикла романов, сам писатель пояснял так: «“Чураевы” символизировать должны и “чур меня”, и “чурка”, но чурка крепкая, кондовая, остаток крепких кедров Сибири» [Черняева, 2013, с. 21].

Однако в топониме «Чураевка» скрывается еще одно, не менее важное звучание-значение: *рай*. Топология и многие сюжетные коллизии первого романа («Братья») гребенщико-вского цикла восходят к этнографическому очерку писателя «Алтайская Русь» (1914), в котором говорится об истории освоения Горного Алтая русскими раскольниками, называвшими его «Камнем»:

Отшельники-сектанты, пробравшись в Камень, поселялись в наиболее красивых уголках и спасение души своей соединяли с созерцанием красивой девственной природы, тем более что во всем хотели подражать святым угодникам.

«Место оно, иде же вселися святой, – говорится в жизнеописании почти каждого святого, – бор бяша велий и чаша, место зело красно, всюду яко стеною окружено водами и бе видение онаго места зело умиленно...»

А этих мест «зело умиленных» в те времена на Алтае было бесконечное множество. Обилие голубых говорливых рек, высоких причудливых гор, покрытых лесами и коврами из всевозможных цветов, – все это делало Камень земным раем, и люди от плетей и кандалов, от гонений за веру и от тяжелой работы шли туда как в место, уготованное им еще при жизни за их земные мучения [Гребенщиков, 2013, т. 1, с. 520].

События XX в. были в чем-то повторением истории русского раскола: «староверами» после 1917 г. оказались уже все христиане, многие из которых были вынуждены покинуть советскую Россию. Поэтому Гребенщиков в Америке, в инокультурном окружении, пытался создать поселение, аналогичное Чураевке, но без сектантской узости староверов. «Чур меня» относилось в данном случае к американскому материализму и меркантильности. «Старовером» Гребенщиков был только в расширительном смысле: идеальный образ жизни писатель находил в Древней Руси. А с алтайскими раскольниками Гребенщикова сближало осознание огромного значения прекрасного природного мира для духовной жизни человека. Так, в понятие «Радонега» писатель включал и символику радуги: «Само по себе это явление природы дает чудесное знамение, прекрасное и во многом символическое» [Там же, т. 5, с. 173]. Кроме того, в слове «Радонега» слышится название, о котором писатель не упомянул, – Онега, река на северо-западе России, сливающаяся здесь по воле автора с Доном. С другой стороны, слово «Радонега», анаграммируя русское слово «огонь», имеет созвучие и с Агни-йогой (при таком же количестве слогов). Символика огня и света проходит через весь текст «Радонеги» (особенно см. главы «Свет во тьме», «Огонек лампы»). Открывается «Радонега» стихотворением «Гонец», которое служит слегка завуалированным посвящением Рерихам («Вместо посвящения»), заканчиваясь строкой: «И тьма горит в огне божественных светил» [Там же, с. 172]. Таким образом, символ *Радонега* объединяет стихии воды и огня – как радуга, возникающая во влажном воздухе, являет собой игру воды и света.

Похожим на земной рай предстает место, где расположена Чураевка, в «Братьях» (глава 2). Особая роль в пространстве эдемском (четыре реки Едема. – Быт. 2: 10–14), сказочном («молочные реки, кисельные берега»), легендарном (Китеж, Беловодье) и утопическом отводится воде, которая может отгораживать идеальное место от остального мира, как в классическом сочинении Томаса Мора. В «Братьях» повторяется тот же агиографический фрагмент, который Гребенщиков уже цитировал в очерке «Алтайская Русь»: «Фирс Платоныч вспоминал слова из жизнеописаний древних скитников: “Бор бяша велий и место зело красно, окружено водами, яко стенами”...» [Гребенщиков, 2013, т. 1, с. 60]. Легендарное раскольничье Беловодье, которое локализуется рядом с горой Белухой, упоминается и в очерке, и в романе.

Особое внимание Гребенщикова привлекали реки с туземными названиями – как на Алтае (Бухтарма), так и в Америке:

Часовня построена из дикого камня в диком лесу, среди берез, дубов и елей, на пригорке, из-под которого струится источник кристальной ключевой воды. Кругом лесистые холмы, поблизости горная речка Помпераг, поодаль на виду большая река Хусатоник, образующая озеро «Лэйк Зоар» [Там же, т. 5, с. 234–235].

О слиянии этих рек Гребенщиков в 1927 г. писал:

Здесь в пути к бессмертию братски обнялись имена индейских вождей Хусатоника и Помперага. Быть может, здесь же легендарный Гайавата замыслил о Трубке Мира. И вот здесь же, по воле судьбы, в лесах и на горах Америки, на белом сибирском камне (АЛАТАС) закладывается Чураевка – скит русской культурной мысли [Гребенщиков, 2013, т. 3, с. 485].

«Скит» этот может быть сопоставлен со знаменитым петроградским ДИСКом (Домом Искусств): в Чураевке жили или отдыхали Сергей Рахманинов, Михаил Чехов, Игорь Сикорский, Николай Рерих, Михаил Фокин и другие известные русские эмигранты.

Обсуждая гребенщиковское жизнестроительство, следует иметь в виду его детерминанты – изначальные факторы, обусловившие ряд определенных литературных жестов и поступков. Части этих факторов мы касались выше и еще затронем далее. Помимо имени, развернувшегося в именную мифологию писателя, существенно его этническое происхождение. «Представление об особом типе сибирской культуры формируется еще и на основании факта самого его рождения. Он, считая себя евразийцем, потомком кочевника-калмыка, а фамилию возводя к русскому слову *гребень*, не раз подчеркивал это в автобиографии» [Тихомирова, 2017, с. 110–111]. Писатель, в жилах которого текла кровь и русских, и алтайцев⁴, уповал на будущее Сибири, способной объединить Запад с Востоком (эссе Гребенщикова «Страна великого будущего», 1932). Гибридизация, межкультурная медиация определяют и мировоззрение Гребенщикова, и его поэтику, и его жизнестроительство.

Эквивалентом алтайского (в этническом смысле) становится в Америке индейское. Под своими сочинениями Гребенщиков часто указывает место написания: «Чураевка на Помпераге». Этим словосочетанием обозначается американо-алтайский (или, можно сказать, русско-индейский) локус-*метис*. Приведем еще примеры межэтнических, кросскультурных «метисов». Упомянув Гайавату, Гребенщиков переходит на ритмизованную прозу («легендарный Гайавата / замыслил о Трубке Мира») – точнее, воспроизводит размер и ритмику русского варианта «Песни о Гайавате», бунинского переложения поэмы Лонгфелло: «Если спросите – откуда / Эти сказки и легенды...» [Лонгфелло, 1976, с. 7]. А статью 1940 г. Гребенщиков называет «Один из могикан Сибири». Чураевка определяется как возникший «в лесах и на горах Америки» «скит русской мысли». Тем самым подчеркивается аналогия со староверами из романной дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Названием издательства Гребенщикова стало тоже слово-«метис» – казахское, но напоминающее об Алтае и своим звучанием («АЛАТАС»), и своим значением («белый камень» – ср.: «Камень», Каменевка, Белуха, Беловодье). Набранное крупным шрифтом слово АЛАТАС даже своим видом напоминает высокую горную гряду, в которой три пика (три буквы А).

Человек эпохи модернизма, Гребенщиков был не только жизнестроителем, но и талантливым *словостроителем*, примером чему служит как топоним Чураевка, так и многозначный символ «Радонега», созданный, по объяснению самого автора, из четырех слов [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 173]. Отмечалось уже, что текст «Радонеги» – многосоставное, «не определяемое известными жанровыми категориями сочинение» [Черняева, 2013, с. 29]. Но дело обстоит еще интереснее. Имея в виду образ часовни, нужно признать, что «Чураевы», сама часовня в Чураевке на Помпераге («страница Русской эпопеи, написанная не словами, а гранитом» [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 238]) и текст «Радонеги» образуют любопытный, может быть, даже уникальный в жанровом отношении литературно-архитектурный трип-

⁴ «Мои предки со стороны отца были монголы с Алтая» [Гребенщиков, 2013, т. 3, с. 441]. По версии В. А. Росова, среди предков Гребенщикова были казахи [Росов, 2006, с. 33].

тих. Основным автором его является Гребенщиков, соавторами – Николай Рерих, создатель архитектурного проекта часовни, художники, принимавшие участие в ее оформлении, поэты, посвятившие ей свои стихи [Там же, т. 5, с. 240–243]. В целом все это стало реализацией характерных для эстетики Серебряного века идей, во-первых, воссоединения искусства и религии, во-вторых, синтеза искусств⁵. Даже скульптура, не используемая в православном культе, оказалась частью того религиозно-эстетического целого, которое Гребенщиков резонно обозначил новым словом «Радонега»: «Величайший современный русский скульптор С. Т. Коненков после посещения часовни поднес прекрасное скульптурное изображение Христа из твердого дерева» [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 239].

Идеи синтеза искусств в России развивались, в том числе под влиянием представлений Рихарда Вагнера. «Радонегу» (как интермедиальное целое) можно считать вариантом вагнеровского *Gesamtkunstwerk*'а. Вариантом, который не столь глобален, как советский [Гройс, 1993, с. 11–244], но ближе к оригиналу: мечта о «русском Парсифале», о новом «рыцарском ордене», Гребенщиков прямо апеллирует к опере Вагнера [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 344, 348, 353].

Итак, третий детерминирующий фактор, который, на наш взгляд, пока учитывается в гребенщиковедении недостаточно, – доминирующая парадигма культуры. Гребенщиков формировался как личность в эпоху модернизма. А. Ю. Горбенко справедливо называет тип жизнестроительства писателя модернистским. Но в итоге получается картина немного странная: в качестве жизнестроителя Гребенщиков – ярко выраженный модернист, а в качестве писателя – убежденный консерватор, признающий только реалистическую традицию. Приведенные нами выше наблюдения касаются многозначных символов Гребенщикова, сближения прозы и поэзии, внимания к стилю, микроуровню текста. Подобные примеры нетрудно умножить. Скажем, слова «Чураевка на Помпеаге» так замечательно звучат вместе, в частности, потому что объединены созвучием (*рае – раге*). Подчеркнутый ударением и созвучием слог *ра* – важнейший и в поэтичном слове «Радонега», поскольку все четыре лексемы, на которых оно возведено, начинаются так же: радость, радуга, радуница, Радонеж [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 173]. Начальные строки текста «Радонега» пронизаны созвучиями, заданными названием: «Сказание о неугасимом свете...» – «Гонец» [Там же, с. 171].

Все это признаки скорее модернистского, чем реалистического типа письма (хотя мы не утверждаем, что Гребенщиков-писатель в целом ближе к модернизму). Категоричные высказывания Гребенщикова о модернистах, казалось бы, не оставляют сомнений относительно его выбора. Но, во-первых, сколько было таких высказываний у того же Бунина, творчество которого тем не менее давно уже рассматривается в контексте модернизма. Во-вторых, не будем забывать, что зрелый Гребенщиков публиковал в своем издательстве не только собственные сочинения, но и книги Бальмонта, Ремизова.

Возвращаясь к перечню различных жизнестроительских общин Серебряного века, приведенному в начале статьи, приходится признать, что типологически максимально близок Чураевке на Помпеаге антропософский Дорнах. Сходство бросается в глаза даже при первом приближении. Общины, в которые входят известные деятели русской культуры, строят собственные сакральные центры (храм-театр Гётеанум в Дорнахе, часовню, посвященную Сергию Радонежскому в Чураевке). То есть находят в прошлом человека, который представляет их идеалы, и делают его объектом храмового культа. У общин имеются лидеры – идейные вдохновители и руководители (Рудольф Штейнер, Рерихи, Гребенщиков), предлагающие прозелитам новое религиозно-философское учение. Впрочем, не совсем новое – в этом, быть может, и коренится причина сходства двух общин. Их учения имеют

⁵ О синтезе искусств в эстетике русского символизма см.: [Мазаев, 1992].

общий источник. Теософия Е. П. Блаватской в XX в. подверглась ревизиям, разделившись на два русла: западное (антропософия Штейнера)⁶ и восточное (Агни-йога Рерихов). Друг с другом два русла находились в отношениях не только конкуренции, но и дополнительности, преемственности (как минимум хронологической): чурьевская община возникает и строит часовню во имя святого Сергия не только после разорения Троице-Сергиевой лавры, но и после разгрома в СССР общины антропософской. В этом смысле интересны отзывы Гребенщикова в финале «Радонеги» о крупных и не очень российских поэтах: Блоке, Маяковском, Есенине, Демьяне Бедном... Единственный поэт, удостоенный здесь Гребенщиковым однозначно положительного отзыва и названный «настоящим, не покорившимся растлению глубоким христианином» [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 231], – Максимилиан Волошин, который был участником антропософской общины, одним из создателей Гётеанума. Сведения о штейнерианстве и штейнерианцах Гребенщиков мог получать, например, от Михаила Чехова, бывавшего в Чураевке: «Поклонником театральной доктрины Штейнера был выдающийся русский актер и режиссер Михаил Александрович Чехов (1891–1955). Для него, как и для учителя, спектакль представлялся мистериальным действием, в процессе которого происходит духовное преображение героя и выход его на путь постижения высшей истины» [Кравченко, 1995, с. 30]. Следовательно, нельзя исключать, что воздвижение часовни в Чураевке – это еще и «реплика» храма в Дорнахе, построенного антропософами.

Реплика отчасти полемическая: автор «Радонеги» настойчиво подчеркивает национальный и традиционный характер своего проекта. Гребенщиковские староверы «во всем хотели подражать святым угодникам», и сам Гребенщиков избрал образцом для подражания знаменитого русского святого. Особенно важными для писателя и жизнестроителя стали те моменты жития Сергия Радонежского, которые отражены на картинах Николая Рериха (еще одно проявление тяготения к синтезу искусств): «Вот ряд картин академика Рериха: Сергей юношей вступает во врата Хотьковского монастыря; Сергей строит первую свою келию – будущую твердыню русской славы Троице-Сергиеву Лавру; Сергей в лесу, а у ног Его мирно лежит гроза русских дебрей – медведь...» [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 192]. «Радонега» имеет длинный подзаголовок: «Сказание о неугасимом свете и о радужном знамении жития преподобного Сергия Радонежского к 600-летию со дня его вступления в Хотьковский монастырь» [Там же, с. 171]. Святой восхищает писателя как строитель и первопроходец [Там же, с. 201]. Пусть не в полной мере, но труд первопроходца Гребенщикову был знаком («Часовня построена из дикого камня в диком лесу...»), современный писатель сумел пройти путем святого Сергия, алтайских староверов и американских пионеров.

Гребенщиков не раз подчеркивает, что покорение дикой природы было контактом как с флорой, так и с фауной:

На нескольких полотнах Н. К. Рериха Св. Сергей изображен вместе с медведем, покорно стоящим возле или даже лежащим. <...> Медведь первым разделил одиночество подвижника и свидетельствовал святость и благоволение человека. Природа таким образом сама пришла и поклонилась человеку, не оскорбленная насилием, но подчиненная его творческой благодати» [Там же, с. 202–203].

Некоторым сходством с житием Сергия отмечен эпизод из истории часовни, построенной Гребенщиковым:

⁶ «В отличие от теософии, ориентированной на восточный мистицизм, антропософия обнаруживает тесную связь с западным оккультизмом и наукой» [Кравченко, 1995, с. 30].

За полгода до торжественного освящения часовни в холодную зимнюю ночь часовню посетила одна замечательная русская женщина Е. Н. Шуматова, сестра известного художника, директора Карнеги-музея в Питтсбурге А. Н. Авинова.

На лесной поляне близ часовни при свете фонарей автомобиля на фоне группы берез мелькнули какие-то алмазы. Это были глаза трех диких оленей. Ослепленные автомобилем, они замерли и стояли, как изваянные, без движения.

Это случайное видение и убогость утвари в часовне, в которую Е. Н. Шуматова впервые вошла, так ее растрогали, что она опустила на колени и тихо заплакала [Гребенщиков, 2013, т. 5, с. 238].

Такою же убогостью утвари отличалась обитель Святого Сергия [Там же, с. 203].

Не менее существенна для Гребенщикова роль Сергия Радонежского как провозвестника великой победы на Куликовом поле. Имя этого святого становится для автора «Радонеги», по сути, синонимом Радости и Победы (сближаясь с именем Георгия Победоносца):

В наши смутные, черные дни всероссийского смятения и отчаяния Русский народ должен вспомнить, как после своей блаженной кончины Преподобный Сергий не раз помогал России в *победах* над смутами.

Таково время польской осады Троице-Сергиевой Лавры, когда Он явился защитником Русской святыни и помог до конца стоять и *победить*. <...> И ныне, в лето тысяча девятьсот тридцать восьмое, образ Св. Сергия незримо ведет нас к *радостной победе* света, к возрождению народа, среди которого были и снова будут великие Подвижники и воины Христовы, Рыцари Духа Святого [Там же, с. 298].

Победиши враги твоя.

Так, с благословения Святого Возбранного Воеводы началось бытие державы Всероссийской и расширение ее границ. Так началась колонизация окраин и строительство русских монастырей даже в далекой и глухой тогда Сибири... [Там же, с. 207]

Не склонен Гребенщиков приуменьшать в победе на Куликовом поле и роль князя Дмитрия: самому сражению в «Радонеге» посвящена большая глава. Так Георгий *Дмитриевич* Гребенщиков вводит полководца-победителя князя *Дмитрия* в круг своих духовных отцов наряду с Георгием Победоносцем. Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, Георгий Победоносец и покоритель Сибири Ермак для Гребенщикова – святые воины, стоящие рядом. О Ермаке Гребенщиков ранее писал:

Он считался даже изменником своей родины, так как не хотел подчиниться насилию опричников и истреблял их где только мог; и, решивши уйти от преследований за Урал, он взял с собою единственное духовное сокровище своей веры: стяг с изображением на одной стороне Христа в терновом венце, а на другой стороне Георгия Победоносца [Там же, с. 355].

Это сказано в программной статье писателя «Страна великого будущего. К 350-летию покорения Сибири» (1932). Исторические события, о которых вспоминал автор статьи, подразумевали аналогии с современностью. Судьба «изгнанника» Ермака [Там же, с. 355] проецировалась на участь русских эмигрантов, опричники – на большевиков. И так же, как Сергей Радонежский когда-то благословил на великую победу князя Дмитрия, Георгий Помпежский готов был благословить нового Ермака на новое покорение Сибири.

Не все грандиозные геополитические, литературные и жизненные задачи, которые ставил перед собой Георгий Гребенщиков, оказались ему по силам. Но как говорил один симпатичный герой американской культуры, «я хотя бы попытался».

Список литературы

- Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты // Серебряный век в России: Избр. страницы. М., 1993. С. 167–210.
- Богомолов Н. А.* Этюды об ахматовском житнетворчестве // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. М., 2004. С. 323–332.
- Богумил Т. А., Худенко Е. А.* Отзыв ведущей организации о диссертации Горбенко Александра Юрьевича «Жизнетворчество Г. Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст» // Культура и текст. 2017. № 2. С. 209–215.
- Горбенко А. Ю.* К механизмам житнетворчества Георгия Гребенщикова: Чураевка как реплика скита Сергия Радонежского // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. № 4-3(64). С. 193–197.
- Горбенко А. Ю.* Жизнетворчество Г. Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.
- Горбенко А. Ю.* Чураевка и Ясная поляна: рецепция толстовской модели в житнетворчестве Г. Д. Гребенщикова // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та. 2017. № 1(39). С. 150–155.
- Гребенщиков Г. Д.* Собрание сочинений: В 6 т. Барнаул, 2013.
- Гречишкин С. С., Лавров А.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная, 19 / Сост. Н. Богомолова. М., 1990. С. 530–589.
- Гройс Б.* Утопия и обмен. М., 1993.
- Дебрецени П.* Житие Александра Болдинского: канонизация Пушкина в советской культуре // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 258–283.
- Десятков В.* Российское утопическое житнетворчество и мессианизм. Случай Николая Гумилева // *Lebenskunst – Kunstleben*. Житнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. / Hrsg. von Sch. Schahadat. München, 1998. С. 169–182. (Die Welt der Slaven. Sammelbände; Bd 3).
- Жолковский А. К.* Страх, тяжесть, мрамор (из материалов к житнетворческой биографии Ахматовой) // Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы: Сб. ст. М., 2014. С. 527–562.
- Кравченко В.* Антропософия в России // Русская философия: Малый энцикл. слов. / Под ред. А. И. Алешина. М., 1995.
- Лонгфелло У.* Песнь о Гайавате. Л., 1976.
- Мазаев А. И.* Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма. М., 1992.
- Маяковский В. В.* Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1982.
- Набоков В.* Торжество добродетели // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 683–688.
- Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.
- Попов В.* Довлатов. М., 2015.
- Примочкина Н.* «Первым своим учителем считаю М. Горького». М. Горький и Георгий Гребенщиков: к истории литературных отношений // Новое литературное обозрение. 2001. № 48.
- Росов В. А.* Книгоиздательство «Алатас» // Рерихи. Восток – Запад. М., 2006. С. 33–39.

Санникова А. А. Чураевка как идеал русской общины (культурно-просветительская деятельность Г. Д. Гребенщикова) // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. Барнаул, 2006. С. 18–28.

Сироткина И. Е. Шестое чувство авангарда: Танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников. СПб., 2016.

Тихомирова Е. Е. Локус «Сибирь» в творчестве Г. Д. Гребенщикова // Интер-экспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6, № 1. С. 109–113.

Черняева Т. Г. Георгий Гребенщиков (Очерк жизни и творчества). Ч. 1 // Наука, культура, образование. 2002. № 10. С. 28–42.

Черняева Т. Г. «... Я, скромный сын своего полудикого Алтая...» // Гребенщиков Г. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Барнаул, 2013. С. 5–44.

Эткинд А. Хлыст. (Секты, литература и революция). М., 1998.

Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / Ed. by I. Paperno, J. D. Grossman. Stanford, 1994.

Gunther H. Zhisnestroenije // Russian Literature. 1986. Vol. 20. P. 41–48.

Lebenskunst – Kunstleben. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. / Hrsg. von Sch. Schahadat. Munchen, 1998. (Die Welt der Slaven. Sammelbände; Bd 3).

Matich O. Zinaida Gippius: Theory and praxis of love // Readings in Russian Modernism. (UCLA Slavic Studies). Культура русского модернизма / Под ред. Р. Вроона, Д. Мальмстада. М., 1993. С. 237–250.

V. V. Desyatov

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, galton67@yandex.ru

Hermitage of arts: life-creating of Georgy Grebenstchikoff

Different kinds of Georgy Grebenstchikoff's creative activity are analyzed in the context of Russian modernism ideas and searching: searching for a new collective form of life, life-creating, interest to peasants' sects, reunion of art and religion, arts synthesis, creating «personal» mythologies. Life-creating of the writer is seen through his self-presentation, on the material of texts by Grebenstchikoff. His main life-creating ideals are Leo Tolstoy, Nikolai Gogol, the Bolsheviks, Altai Old Believers (as shown in the early works by Grebenstchikoff), St. Sergius of Radonezh, St. George. In the Tolstoy's doctrine, Grebenstchikoff appreciated ideas of healthy physical work but did not like the views on the ritual side of Christianity. The Bolsheviks were the negative pattern, anti-ideal. Negative patterns appear in life-creating more rarely than positive ones. However, this type of behavior is common for the Russian emigrant who absolutely disagreed with the Soviets. In the USA, Grebenstchikoff organized the commune «Churaevka on the Pomperaug River» which he called «the hermitage of Russian cultural thought». This «hermitage» can be compared to the famous DISK (Dom Iskusstv 'The House of Arts') in Petrograd: Sergei Rakhmaninov, Mikhail Chekhov, Igor Sikorsky, Nikolai Roerich, Mikhail Fokin and many other famous Russian emigrants lived or rested there. «The Churaevs», the chapel in Churaevka on the Pomperaug River, built in honor of St. Sergius of Radonezh («the page of Russian epic written not with the words but with the granite»), and the text of «Radonega» make an interesting literary and architecture triptych, probably unique in its genre. The main author was Grebenstchikoff; the co-authors were Nikolai Roerich (the author of the architectural project of the chapel), famous sculptor S.T. Kononov, artists who took part in its painting, poets who dedicated poems to it. The intermediary unit which Grebenstchikoff gave a new name Radonega can be considered in the context of Wagner's *Gesamtkunstwerk*.

Keywords: life-creating, commune, modernism, arts synthesis.

DOI 10.17223/18137083/62/1

References

- Bogomolov N. A. Peterburgskie gafizity [St. Petersburg's gafizits]. In: *Serebryanny vek v Rossii: Izbrannyye stranitsy* [The Silver age in Russia: Selected pages]. Moscow, 1993, pp. 167–210.
- Bogomolov N. A. Etyud ob akhmatovskom zhiznetvorchestve [An essay in Akhmatova's life creating]. In: Bogomolov N. A. *Ot Pushkina do Kibirova. Stat'i o russkoy poezii* [From Pushkin to Kibirov. Works on Russian poetry]. Moscow, 2004, pp. 323–332.
- Bogumil T. A., Khudenko E. A. Otzyv vedushchey organizatsii o dissertatsii Gorbenko Aleksandra Yur'evicha "Zhiznestroitel'stvo G. D. Grebenshchikova: genezis, mekhanizmy, semantika, kontekst" [The review of the leading academic institution to the dissertation of Alexander Yu. Gorbenko "Life creating of Georgy Grebenshchikoff: genesis, mechanisms, semantics, context"]. *Kul'tura i tekst*. 2017, no. 2, pp. 209–215.
- Chernyaeva T. G. Georgiy Grebenshchikov (Ocherk zhizni i tvorchestva). Ch. 1 [Georgy Grebenshchikov (Essay on life and work). Pt 1]. *Nauka, kul'tura, obrazovanie*. 2002, no. 10, pp. 28–42.
- Chernyaeva T. G. "... Ya, skromnyy syn svoego poludikogo Altaya..." ["...Me, a humble son of my half-wild Altai..."]. In: Grebenshchikov G. D. *Sobr. soch.: V 6 t. T. 1*. [Collected works: in 6 vols. Vol. 1]. Barnaul, 2013, pp. 5–44.
- Debreczeny P. Zhitie Aleksandra Boldinskogo: kanonizatsiya Pushkina v sovetskoy kul'ture [Life of Alexander of Boldino: canonization of Pushkin in the Soviet culture]. In: *Russkaya literatura XX veka. Issledovaniya amerikanskikh uchenykh* [Russian literature of the 20th century. The researches of American scientists]. St. Petersburg, 1993, pp. 258–283.
- Desyatov V. Rossiyskoe utopicheskoe zhiznetvorchestvo i messianizm. Sluchay Nikolaya Gumileva [Russian Utopian life creating and messianism. The case of Nikolay Gumilyov]. In: *Lebenskunst – Kunstleben. Zhiznetvorchestvo v russkoy kul'ture XVIII–XX vv.* (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd 3) [Lebenskunst – Kunstleben. Life-building in the Russian culture XVIII–XX centuries]. München, 1998, pp. 169–182.
- Etkind A. *Khlyst. (Sekty, literatura i revolyutsiya)* [Khlyst. (Sects, literature, and revolution)]. Moscow, 1998.
- Gorbenko A. Yu. K mekhanizmam zhiznestroitel'stva Georgiya Grebenshchikova: Churaevka kak replika skita Sergiya Radonezhskogo [To the life creating mechanisms of Georgy Grebenshchikoff: Churaevka as a cue of the hermitage by St. Sergius of Radonezh]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015, no. 4-3(64), pp. 193–197.
- Gorbenko A. Yu. *Zhiznestroitel'stvo G. D. Grebenshchikova: genezis, mekhanizmy, semantika, kontekst. Avtoreferat diss. na soisk. uch. st. kand. filol. n.* [Life creating of Georgy Grebenshchikoff: genesis, mechanisms, semantics, context]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2016.
- Gorbenko A. Yu. Churaevka i Yasnaya polyana: retseptsiya tolstovskoy modeli v zhiznestroitel'stve G. D. Grebenshchikova [Churaevka and Yasnaya polyana: the reception of the Leo Tolstoy's pattern in life creating of Georgy Grebenshchikoff]. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical Univ.* 2017, no. 1(39), pp. 150–155.
- Grebenshchikov G. D. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Barnaul, 2013.
- Grechishkin S. S., Lavrov A. Biograficheskie istochniki romana Bryusova "Ognennyy angel" [Biographical sources of Bryusov's novel "The Angel of Fire"]. In: *Novo-Basmanaya, 19* [19, Novo-Basmanaya St.]. N. Bogomolova (Comp.). Moscow, 1990, pp. 530–589.
- Groys B. *Utopiya i obmen* [Utopia and exchange]. Moscow, 1993.
- Gunther H. Zhiznestroeniye [Life Creating]. In: *Russian Literature*. 1986, vol. XX, pp. 41–48.
- Kravchenko V. Antroposofiya v Rossii [Anthroposophy in Russia]. In: Aleshin A. I. (Ed.). *Russkaya filosofiya. Malyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian philosophy. A concise encyclopedic dictionary]. Moscow, 1995, p. 30.
- Lebenskunst – Kunstleben. Zhiznetvorchestvo v russkoy kul'ture XVIII–XX vv.* [Life creating in Russian culture of the 18–20th centuries]. Hrsg. von Sch. Schahadat. (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd 3). München, 1998.
- Longfello U. *Pesn' o Gayavate* [The Song of Hiawatha]. Leningrad, 1976.
- Matich O. Zinaida Gippius: Theory and Praxis of Love. In: Vroon R., Malmstad J. (Eds). *Readings in Russian Modernism. (UCLA Slavic Studies). Kul'tura russkogo modernizma*

[Readings in Russian Modernism. (UCLA Slavic Studies). Culture of Russian Modernism]. Moscow, 1993, pp. 237–250.

Mazaev A. I. *Problema sinteza iskusstv v estetike russkogo simbolizma* [The problem of synthesis of arts in the aesthetics of Russian symbolism]. Moscow, 1992.

Mayakovskiy V. V. *Izbrannye sochineniya: V 2 t. T. 2* [Selected works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, 1982.

Nabokov V. Torzhestvo dobrodeteli [The triumph of virtue]. In: Nabokov V. *Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t. T. 2*. [The collected works of Russian period: in 5 vol. Vol. 2]. St. Petersburg, 1999, pp. 683–688.

Paperno I. *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolay Chernyshevskiy as a person of the realism]. Moscow, 1996.

Paperno I., Grossman J. D. (Eds). *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*. Stanford, 1994.

Popov V. *Dovlatov*. Moscow, 2015.

Primochkina N. “Pervym svoim uchitelem schitayu M. Gor’kogo”. M. Gor’kiy i Georgiy Grebenshchikov: k istorii literaturnykh otnosheniy [“I consider Maxim Gor’ky as my first teacher”. Maxim Gor’ky and Georgy Grebenstchikoff: to the history of literary relationship]. *New Literary Observer*. 2001, no. 48.

Rosov V. A. Knigoizdatel’sтво “Alatas” [Publishing House “Alatas”]. In: *Rerikhi. Vostok – Zapad* [The Roerichs. East – West]. Moscow, 2006, pp. 33–39.

Sannikova A. A. Churaevka kak ideal russkoy obshchiny (kul’turno-prosvetitel’skaya deyatel’nost’ G. D. Grebenshchikova) [Churaevka as an ideal of Russian commune (cultural and enlightening activity of Georgy Grebenstchikoff)]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul’ture* [Altai text in Russian culture]. Iss. 3. Barnaul, 2006, pp. 18–28.

Sirotkina I. E. *Shestoe chuvstvo avangarda: tanets, dvizhenie, kinesteziya v zhizni poetov i khudozhnikov* [The sixth sense of avant-garde: dance, moving, kinesthesia in the life of poets and artists]. St. Petersburg, 2016.

Tikhomirova E. E. Lokus “Sibir” v tvorchestve G. D. Grebenshchikova [Locus of “Siberia” in the works of Georgy Grebenstchikoff]. In: *Interexpo Geo-Sibir’* [Interexpo Geo-Siberia]. 2017, vol. 6, no. 1, pp. 109–113.

Zholkovsky A. K. Strakh, tyazhest’, mramor (iz materialov k zhiznetvorcheskoy biografii Akhmatovoy) [Fear, heaviness, marble (from the materials to the life creating biography of Akhmatova)]. In: Zholkovskiy A. K. *Poetika za chaynym stolom i drugie razbory. Sbornik statey* [Poetics at the tea-table and other analytical works. The collected works]. Moscow, 2014, pp. 527–562.